

В жаркий июльский полдень урядник казачьей станицы Георгий Зотов сидел на лавочке сквера с развёрнутой газетой в руках. В защитной гимнастёрке с красной окантовкой карманов и обшлагов рукавов, с красными погонами, перетянутый ремнями португалии, в синих шароварах с красными лампасами, заправленными в начищенные до блеска яловые сапоги с короткими голенищами, в белой мерлушковой папахе с алым верхом, с окладистой седой бородой и пышными усами, урядник являл собою лучший пример храброго казачьего воинства.

Зотов снял папаху, обнажив лысую, как колено, голову, и, прикрываясь газетой, незаметно, как казалось ему, вынул из кармана поллитровку водки, поставил на лавочку рядом с собой и накрыл папашой. Глаза, пристально наблюдавшие за ним из окна третьего этажа, насмешливо прищурились. Тем временем из другого кармана урядник извлёк завернутый в целлофановый пакетик малосольный огурчик, пахнущий укропом, и тоже сунул его под папаху. Продолав всё это с величайшей осторожностью и с ухищрениями бывалых разведчиков, виденными в кино, казак, поблёскивая на солнце гладкой лысиной, смотря поверх газеты, обозрел обстановку на улице и особенно внимательно — занавешенное кухонное окно на третьем этаже панельной пятиэтажки. Не найдя каких-либо признаков опасности, грозящей разоблачением тайной операции, он

по-военному строгим голосом и громче обычного, так, на всякий случай, чтобы его непременно услышали, прикрикнул:

— Вова! Едри твою в шенкеля мать! Опять снял бейсболку! Приказываю: надень сейчас же! Головку солнышком напечёт... Кому сказал?! Экий казак непутёвый растёт! Ты слышал, что тебе деда Гоша сказал?

Пятилетний малыш, елозивший грузовичком по куче песка неподалёку от скамьи, оставил слова деда Гоши без внимания. Занятие насыпать лопаточкой песок в кузовок грузовичка и тотчас вываливать доставляло ему видимое удовольствие.

— Вова! Надень бейсболку! Баба Оля увидит из окна, будет тебе вливание, — сердито повторил урядник, приподнимая папаху и нетерпеливо заглядывая под неё.

— Не мне, а тебе... Ты сам тоже надень свою лохматую овцу...

— Это папаху...

— А баба Оля говорит, что у тебя овца на башке...

— Поговори ещё у меня, неслух окаянный... погоди... Подрастёшь, отдам в казаки-кадеты... Вышлет тебе там фельдфебель нагайкой за непослушание... Выправят тебя в строю, а в нём, как в пенале, кривых карандашей не бывает...

— А я папе скажу... Он твоему фель... бебелю... так вышлет... В кадеты я не хочу... Я ме... меджером буду...

— Менеджером он будет, — рассмеялся Зотов. — Да ты хоть знаешь, что это такое?

— Знаю... Папа сказал: бабло рубить...

В кухонном окне на третьем этаже колыхнулась занавеска, и Зотов снова возвысил голос:

— Надень бейсболку! В последний раз тебе говорю... Не куплю тебе мороженое... Твоё любимое... С черникой...

Сунув руку под папаху, Зотов сделал попытку отвинтить пробку на бутылке «Фронтальной».

— Не купишь — я бабе Оле скажу, что ты водку пьёшь, — услышал бородач в ответ.

— Ах ты, Вовка-морковка! Яз-зи тебя в шенкеля! Какую ещё водку?!

— Под этой... Под овцой... Под шапкой белой... — невозможно копаясь в песке, пролепетал малыш.

— Нет, ну ты погляди, глазастый какой... Казачок-стукачок...

Зотов разочарованно вздохнул, бросил взгляд на окно, задёрнутое занавеской, и быстрёхонько вытащил «Фронттовую» из-под папахи, запихнул в карман широких штанов, развернул перед собой газету во всю ширь. Стороннему наблюдателю могло показаться, что казак читает «Новости дня». Однако сердитый окрик из распахнутого окна третьего этажа хрущёвки напрочь разрушал иллюзию страстной приверженности обладателя белой папахи к чтению бульварной прессы. Не казачье это дело!

— Я тебе что сказала?! За ребёнком смотреть, а не водку глыкать! В такую-то жару! Думаешь, не вижу?.. Газеткой прикрываюсь... Пугало ряженое! А ну, хитрован, подними папаху!

Урядник обеими руками поднял папаху, показывая, что под ней ничего нет, напялил на лысую голову. На лавочке остался не убраный второпях свёрток с огурчиком. «Вот ворона», — обругал себя Зотов, поспешно засунул пакетик в карман гимнастёрки.

— Ладно, старый плут... Знаю твои фокусы... Посмей притащиться домой пьяным... Я тебе устрою сладкую жизнь! Ребёнка целый час держишь под солнцем... Марш домой! И лакай за столом водку свою, если не терпится, а не на глазах всего дома...

Створка окна затворилась, занавеска задёрнулась, и в обещанном Зотову устройстве «сладкой» жизни можно было не сомневаться.

— Вова! Яз-зи тебя в шенкеля! Надень бейсболку! Сколько раз тебе говорить? Вечно из-за тебя сыр-бор...

— Что, непослушным растёт? А вы с ним пожёстче... По-мужски... Позвольте присесть? — обратился к уряднику подошедший хромоногий старик, опиравшийся на трость.

— Да, конечно, присаживайтесь... Кабы мой был, выпал бы ему горячих... Так ведь нельзя... Добротой да лаской, советуют, увещевать надо. А мудрый Соломон наставлял в притчах своих розог не жалеть для таких неслухов. Попробуй накажи его ремнём по заднице. Родители тотчас возмутятся: «Не родной он тебе... Не любишь ты его... Нельзя бить детей...» Приёмной дочери внук... Мне, стало быть, уже правнук... Года — вода... Текут быстро...

— Красивый у вас город... Много зелени, цветов... — сказал незнакомец, присаживаясь на край скамьи. Снял

шляпу, обмахнул вспотевшее лицо. — Жара-то какая... Прямо пекло...

— Вы что, приезжий? Вова! Не швыряйся песком!

— В гости приезжал, повидаться с сестрой... Может, в последний раз... Как знать... Завтра уезжаю...

— Далеко?

— Во Владивосток.

— Вот как?! — встрепенулся казак. — Я тоже жил во Владике... Давно, правда. Как женился, переехали мы в этот тихий провинциальный городишко... «Двушку» во Владивостоке обменяли здесь на «трёшку». Я не хотел переезжать. Жена уговорила, настояла на обмене. У неё здесь родители жили. Из-за них, уверяла меня, пришлось оставить Владивосток. Квартира у нас была на проспекте Сто лет Владивостоку. Знаете такой?

— Ещё бы не знать! Сам живу в Моргородке.

— Признаться, сожалею, что уехал с Дальнего Востока... Жена всё ныла: уедем да уедем. Не могу, говорила, жить у моря. На сырой климат ссыалась. А я думаю, что её что-то печалило. Может, воспоминания о прежнем муже, без вести пропавшем в Афганистане, бередили ей душу.

При последних словах урядника незнакомец сменился в лице, его впалые морщинистые щёки побледнели. Подавляя охватившее его волнение, он нервно постучал тростью по правой ноге.

— Инвалид? — сочувственно спросил казак, заслышав характерный стук деревяшки.

— Да... Потерял ногу в Афгане...

— В Афгане?! Я тоже во время срочной службы воевал там... — придвигаясь ближе, воскликнул бородач в папаче. — А сейчас в казачьем кадетском корпусе завхозом служу... Пригласили на старости лет ... В целях военно-патриотического воспитания молодёжи... Слава Богу, пронесло в Афгане... Ранен был в грудь навывлет, но, как видите, жив... После дембеля вернулся во Владивосток, откуда призывался, устроился матросом на рыболовное судно... Пять раз в пути-ну ходил... А как с Ольгой познакомился, с морем завязал... Какая семейная жизнь, когда дома по полгода не бываешь?..

— Это так... Однако сотни тысяч моряков совершают длительные рейсы... Их с нетерпением ждут дома любящие жёны.

— Мне Оля сказала: «Никаких морей!»

«У меня тоже жена Оля была», — подумал инвалид, задумчиво постукивая тростью по протезу. Бородатый старик поправил на голове папаху, протянул худую жилистую ладонь.

— Георгий... Урядник... — представился казак.

— Борис... Гвардии капитан... В отставке...

Они обменялись крепким рукопожатием.

— Другого звания не получил? Комиссовали?

— Да как сказать? — пожал плечами отставной гвардии капитан. — Списали подчистую... Как ненужный хлам на свалку...

— Что так?

— Долго рассказывать...

Урядник похлопал себя по карману шаровар, свернул газету и заговорщически понизил голос:

— У меня здесь пузырьёк нашей «Фронтовой»... Хотел раздавить, да малец усёк... Настучать бабуле грозитя... Не любит она, когда я на улице пью... А дома — ничего, терпит... Поэтому — что мы здесь сидим, Боря? Вот мой подъезд! Пошли! Это дело надо отметить, — радостно-возбуждённый встречей с земляком, да к тому же с воином-афганцем, произнёс урядник и сердито крикнул: — Вова! Бери машинку свою... Бейсболку надень! Идём домой!

Два ветерана, один в казачьей форме, другой в чёрных брюках, в клетчатой рубашке, в соломенной шляпе и с тростью, медленно и тяжело ступая по ступеням лестницы, поднялись на третий этаж. Зотов, тащивший за руку упрямо упировавшегося правнука, нажал кнопку звонка.

Гвардии капитан в отставке замялся, испытывая неловкость человека, оказавшегося неожиданно для себя в неудобном положении.

— Как-то не совсем прилично с моей стороны... Что хозяйка подумает? Неизвестный гражданин ни с того ни с сего в гости приплёлся...

— Ты это выкинь из головы... Ни с того ни с сего... Не каждый день земляка из Владивостока встретишь... Тем более оба мы воевали в Афгане... И потом... Ко мне часто друзья-афганцы наведываются... А баба Оля приветливая и добрая... Так, Вова?

Малыш, пытаясь приладить к машинке отломанное колёсико, пропустил слова деда Гоши мимо ушей. Дверь открылась, и в проёме возникла не в меру располневшая старуха с копной крашенных, завитых колечками огненно-рыжих

волос с проседью на висках. Старый, как и сама хозяйка, застиранный, изношенный халат тесно облегал тучную фигуру с большим животом и необъёмной грудью. Из дырявых мохнатых тапок выглядывали узловатые, искривлённые пальцы босых толстых ног со вздутыми венами. Выпуклые линзы очков увеличивали её выпученные, как у жабы, заплывшие жиром глаза под нарисованными на лбу бровями. Массивные серьги с синими фальшивыми камнями обрамляли одутловатое лицо с припухлым носом. Хорошая баба Оля в презрительной усмешке скривила ярко-красные выпяченные губы. Уперев в жировые складки на боках толстые, обнажённые до локтей руки, она недовольно спросила:

— Опять собутыльника нашёл? Будешь новые небылицы сочинять? Герои-афганцы! Водку заливать в себя вы герои! Да языками трепать про свои выдуманные подвиги... Чего так долго морил ребёнка на солнце? Бейсболку не надел ему... Свою лысину можешь палить сколько тебе угодно, а несчастного ребёнка мучить не позволю.

«Несчастный» ребёнок, привыкший к ссорам стариков, прошмыгнул в прихожую мимо «приветливой» бабы Оли, не успевшей схватить его за вихор и расцеловать в белобрысую макушку. Не удостоив незнакомого пришельца даже мимолётным взглядом, женщина пробурчала:

— Ладно, проходите, коли пришли...

Переваливаясь, как гусыня, на больных ногах, она понесла своё грузное тело в гостиную комнату, откуда слышались голоса артистов из дешёвого «мыльного» сериала.

— Всё нормально, капитан... Сейчас она заткнётся у телевизора... Идём на кухню... Вспомним былое... Как мы выполняли интернациональный долг... Учкудук — три колдодца... Дарайи-Калаг... Мугулан... Гольбахир... Гинкушду... — сыпал названиями горных ущелий Зотов.

— Ты, наверно, хотел сказать — Гиндукуш?..

— А, нуда... Оговорился... Присаживайся... Будь как дома...

Урядник выставил на стол припрятанную в шароварах бутылку, толстыми ломтями нарезал хлеб, сало, колбасу, достал из буфета две рюмки, наполнил их водкой.

— Ну, погнажи... За встречу... За знакомство...

Выпили. Похрустели малосольным огурчиком из пакетика, вынутого из нагрудного кармана казачьей гимнастёрки.

— Как-то в мае наша мотострелковая рота попала в засаду в ущелье Печдара,— начал рассказывать Зотов.— Много там наших полегло... Но и моджахедов мы наваляли сотни две... Там я на mine подорвался... Под лопатку осколком шарахнуло...

— Не понял... Ты же говорил, тебя пулей в грудь навyleт...

— А... Ну да... Короче... На вертолёте меня в госпиталь в Ростов отправили... Спасибо хирургам... Вытащили с того света... Друзья из нашей сапёрной роты говорили позже, что меня к ордену Красной Звезды представили... Затерялось где-то представление... Ну да Бог с ней, с наградой... Не за ордена воевали, Боря...

— Ты же говорил, что в засаду попала мотострелковая рота...

— Ну, это потом меня в сапёры перевели...

— Слушайте вы его... Он вам наплетёт с три короба... Только уши развешивайте...— раздался из гостиной насмешливый голос хозяйки.

— А ну её в баню... Женщина... Что она понимает во фронтовых делах?.. Наверно, в бою тебя тяжело ранило? — торопливо наливая водку, спросил Георгий, переводя разговор на собеседника, чтобы не получить едкого замечания от жены.— Давай, как говорят у нас, афганцев, чтобы между первой и второй рюмкой пуля не просвистела.

Выпили. Потыкали вилками в колбасу.

— Нет, Гоша... Не в бою,— неохотно ответил Борис.

— Тогда что? Несчастный случай? — дотошно допытывался Георгий, с опаской поглядывая на приоткрытую дверь в зал.— Вот, помню, пошли мы в атаку... Духов — тьма!

В соседней комнате послышался смешок. Зотов пригласил лысую голову, нарочито более громким голосом спросил:

— А ты, Борис, как в Афган попал? Где воевал?

— Окончил военное училище, а профессия офицера, как известно,— защищать Родину и её интересы в любой горячей точке планеты... Долг, верность присяге, воинская честь — прежде всего... Служил на Дальнем Востоке... Женился... Дочка родилась, когда наш гвардейский полк отправили в Афганистан... Я в то время был капитаном... Так и остался в этом звании вот по этой причине,— гость постучал тростью по ноге.

— Давай, Борис, за тех, кто погиб в горных ущельях... Не чокаясь...

Выпили. Помолчали. Зотов заговорил первым:

— Ты потерял ногу, а всё же лучше, чем погибнуть...

Согласись...

— Как посмотреть на это... Было время, когда был не рад, что остался живой... Волком выл...

— Почему?

— В самом начале войны мы шли колонной... Мой бронетранспортёр духи подбили из гранатомёта... Меня отбросило за камни... Душманы подобрали... Без сознания был... Очнулся в кишлаке Баркандай... В плену у полевого командира моджахедов оказался... Кази Кабир... Злобный и жестокий... Не человек... Зверь... Посадил меня на цепь, как собаку... Жил я в будке... Велено мне было ворота стеречь, открывать, закрывать их, когда хозяин глинобитного дома приезжал-уезжал... Кормили объедками... Его зловредные дети, маленькие злые деспоты, бросали в меня камни, били палками... В этих восточных вырождаках извечная врождённая жестокость, страсть к пыткам и мучениям пленника... «Лучше бы духи пристрелили меня в ущелье», — думалось мне. Сил не было терпеть унижения и адские муки голода, жажды, болей от каждодневных побоев... Единственное, что заставляло меня держаться, — надежда на побег... Вернуться домой, увидеть жену и дочь — вот что придавало сил... Ради них переносил я страдания, не теряя надежды на спасение... Двенадцать лет на цепи просидел... Оброс, одичал... Хозяина к тому времени где-то убили... Все эти годы я ковырялся в замке куском проволоки, и однажды дужка откинулась... Я сбросил цепь и бежал... От голода и усталости заснул... Меня поймали пастиухи... Погыркали между собой и продали меня как раба новому хозяину, ещё более лютому... Опять бежал. Поймали... Перебили ноги прикладом автомата... Советских войск уже не было в Афганистане... Американцы пришли... Два негра и один белый солдат вошли во двор... Я закричал по-английски: «Я русский! Спасите меня!» Они втащили меня в джип и увезли в госпиталь... На правой ноге началась гангрена... Отняли её... Наконец, после долгих мытарств, вернулся... Не в Советский Союз, а в Россию... Здесь в моё отсутствие, оказывается, произошли большие перемены... Перестройка, как объяснили мне... На Родине меня давно зачислили в списки без вести пропавших... Потом хождения по разным

бюрократическим инстанциям... Пришлось доказывать, что я, гвардии капитан, жив, был в плену, освобождён американцами... Справка, выданная врачами госпиталя, выручила... А то наши даже сомнение выражали, как я инвалидом стал. «Может,— говорили,— ты спьяну под поезд угодил». На одном подполковнике из военкомата я стул сломал...

— Как это?! — изумился Зотов.

— А так... Добивался, требовал я льгот и выплат как участнику боевых действий, как инвалиду войны в Афганистане, а он мне: «Я вас туда не посылал...»

— Вот негодай,— выругался Зотов.

— Всё вскипело во мне: обида, боль, несправедливость, ненависть к чинуше в погонах... Я потерял контроль над собой и совсем прикончил бы его ножкой от стула, но прапора военкоматские прибежали на его истеричные крики, скрутили меня... Вырвался, убежал, из города уехал, боялся, что привлекут... Вернулся, когда узнал, что полкана этого упекли в тюрьму за взяточничество. Отмазывал за деньги отморозков, не захотевших служить в армии.

— Да... Досталось тебе,— покачал головой белобородый казак.

Наполнил рюмки, одну придвинул гостю. Тот молча взял её, выпил, отрешённо глядя в сторону, глухо сказал:

— Сорок лет прошло с тех пор... Когда нашу гвардейскую часть бросили на войну с моджахедами, дочери и годика не было... Сейчас, наверно, уже бабушка... Ничего не знаю о них... Ни о жене, ни о дочери...

— Ты не искал их? Почему?

— Наводил справки... Родители умерли... Жена замуж вышла... В другой город перебралась... В какой — я не стал уточнять... Подумал: зачем явлюсь ей через пятнадцать лет? Инвалид безногий... Взрослая дочь, которую не растил... Её отчим воспитал... Забыли они сгинувшего в неизвестности мужа и отца... Зачем было напоминать о себе? У них своя сложившаяся жизнь... Ломать её ни к чему... И хотя, пока был в плену, только о них и думал, о встрече с ними после возвращения на родину нечего было и думать... Поезд ушёл... Так вот и живу до сих пор бобылём... Комнатушка у меня в общежитии... Сторожем в детском саду работаю... На мизерную пенсию не живу, а прозябаю в нищете...

— Да, брат, не повезло тебе... Когда наша воздушно-десантная рота под шквальным огнём душманов... — начал было рассказывать захмелевший казак.

Его прервал громкий насмешливый голос из гостиной:

— Хватит языком трепать... Барон Мюнхгаузен со своими невероятными историями против тебя отдыхает! Со всем заврался! Афганец! Это где, ты, враль несусветный, воевал? С лопатой в стройбате? Ты хоть раз держал в руках автомат? Как подопьёт, так и несёт его на враньё... Ранен был то в грудь, то в спину... Ха-ха! В голову свою лысую кирпичом на стройке ушиблен, скорее всего...

Георгий сконфуженно смолк, махнул рукой на двери гостиной, взялся за бутылку:

— Давай, гвардии капитан... На посошок...

— Нет... Достаточно... К сестре надо... Вещи собрать в дорогу... — запротестовал гость, накрыв рюмку ладонью. — Спасибо, Георгий за угощение... Приятно было познакомиться и пообщаться с... — хотел сказать «с афганцем», но с доброй улыбкой пожал Георгию руку и сказал: — Рад был выпить по чарке «Фронтвой» с хорошим человеком! Всё, друг... Пойду... — поднялся гость из-за стола.

— Я вызову такси, — пьяно тыча пальцем в кнопки сотового телефона, засуетился Зотов.

Гвардии капитан в отставке обувал туфли, когда казак, пьяно пошатываясь, вышел из кухни проводить гостя.

— Слушай, Борис... Тебе не встречался в Афгане офицер Кубасов? Бывший муж моей жены. Может, что слышал о нём?.. Без вести пропал...

Словно крутым кипятком плеснули в лицо гвардии капитану в отставке Борису Кубасову. Из дрожащей руки выпал ботинок.

— А... Ты, смотри, тоже запьянел... — пробормотал Зотов.

Кубасов не помнил, как обулся, какие ещё слова говорил на прощание белобородый лысый старик в казачьей форме, как вышел из подъезда и сел в такси.

«Это Оля... Боже мой! Это она... жена завхоза с лычками урядника... Какая она стала! Это Оля! Это она, моя милая Оля!» — молотками стучала в голове одна-единственная мысль.